В то же время далеко на великой равнине, под широким и высоким типи, построенным из шкур различных животных, скрепленных ветвями и костями.

На деревянном знаке был нарисован символ в виде головы лютоконя. В воздухе густо витал аромат ладана, так же повсюду горели свечи из воска адских ос.

Внутри молодой На'ви лежал на ложе из травы, это был Мирук, его тело было покрыто потом, а на лице застыло выражение боли.

Над ним стояла очень пожилая женщина На'ви, покрытая различными племенными украшениями, одно из которых символизирует ее статус как Тсахик клана Оланги, она также носила на шее нож с лезвием, сделанным из первого Лютоконя, с которым она была связана, ее кожа также была покрыта шрамами, каждый из которых рассказывал свою историю.

Она медленно напевала молитву, изучая раны острым аналитическим взглядом, и действовала точно и быстро, намного быстрее чем можно было предположить по ее внешнему виду.

Рядом единственная ученица старшей На'ви готовила лекарственную пасту, похожую на ту, что она делала на базе Лиама, но с большим количеством ингредиентов.

<Я вижу тебя> — сказала Тути голосом, полным печали, сожаления и вины перед Мируком, ее губы были сжаты, а уши прижаты.

<Я вижу тебя…>, раненый подросток ответил тем же, и со слабой улыбкой, прежде чем она дала ему то, что только что закончила создавать, эффект, как и раньше был почти мгновенным, и Мирук быстро погрузился в глубокий сон.

Вздохнув, Тути подняла глаза и встретила строгий взгляд своего учителя, слова остались невысказанными, но подросток знала, насколько учитель была разочарована ее недавними действиями, и это было справедливо.

Тсахик не было в лагере, когда двое подростков решили выйти посреди ночи. В этот момент она возвращалась из своего годичного духовного путешествия к Утрал Як Си, Древу Голосов.

Древо Голосов было местом, где все кланы великих равнин общались с Эйвой и их предками. Самое священное и важное место для кланов великих равнин.

Когда она узнала о том, что сделали ее правнучка и младший сын Оло’эйктана, о причиненном ущербе и последствиях для обоих молодых На'ви, она была менее чем довольна.

Даже в ярости она не показывала этого. Сохранение спокойной внешности было обязательным для ее роли в клане.

<Марали, как мой сын?>, послышался мужской голос, взволнованный, но сильный, узнав его, Тсахик повернулась от спящего подростка, где ее взгляд смягчился.

<Он в порядке, сильный, но глупый молодой человек. Он выздоровеет, в чем я уверен, и скоро сможет ходить так же хорошо, как раньше. Однако… Его левая рука… если бы Потерянное Дитя не вмешался…>, Тсахик не договорила до конца, увидев, как Аквей напрягся при упоминании руки его сына и небесного человека.

Потерянным дитя, Марали называла небесного человека или Лиама Крама, она не объяснила, почему так его назвала, даже когда ее спросили.

Когда она поднялась обратно из Священной Лощины, места, которое давало самый безопасный путь к Утрал Як Си, она была совершенно молчаливой и оставалась такой, пока не достигла временного лагеря клана.

Затем она и оло'эйктан обсудили недавние события и запланировали действия на будущее. Что было совсем не просто.

Их миграция уже задержалась на несколько дней из-за травм Мирука. Факт, понятный всем. Но этот эгоистичный выбор со стороны Оло'эйктана подвергает клан риску, в частности, из-за Иррап (бури) Ритис (стингбатов) ночью в это время года.

<А что насчет молодого охотника, пытавшегося убить Потерянного Ребенка?>, нахмурившись, спросила Тсахик, движением руки она показала что ее ученице нужно уйти.

Даже если той было невероятно любопытно, она сделала это без возражений, Тути знала, что лучше не злить свою прабабушку еще больше.

Мнение Тсахик о человеке коренным образом отличалось от мнения любого другого, кто знал о его существовании.

Ее глубокая связь со Все-Матерью была одной из ее самых больших гордостей. Аспект, ради которого каждый Тсахик процветал всю свою жизнь, но ее последняя связь с Древом Голосов была самой интенсивной из всех, она потеряла сознание и чуть не умерла.

Это был первый раз, когда она услышала Эйву с такой ясностью, простая пожилая На'ви, такая как она, не могла понять того величия, которое представляет собой сознание возрастом в миллиарды лет планетарного всеобъемлющего сверхорганизма, который был их Богиней Эйва.

В ходе этой короткой, но интенсивной «беседы» Тсахик интерпретировала обрывки воспоминаний как о фауне, так и о флоре, некоторые виды, запахи, страхи, боль, прикосновения, голод, жизнь, смерть и многое другое, что нельзя было описать словами.

Все они в той или иной форме были связаны с небесным человеком Лиамом. И даже если это были всего лишь проблески, разбитые и трудные для понимания, она знала, что это существо было чем-то большим, Все-Мать наблюдает за ним, ей было любопытно.

Он мог только своим умом и телом победить существо, для убийства которого потребуются коллективные усилия всего клана. Но он был потерян, одинок, учился, рос, совершенствовался, вдали от своего вида, как потерянный ребенок, как она его называла.

И он не был врагом, он спас двух оланги от верной смерти и сделал больше, приютив, исцелив и накормив их, прежде чем направить обратно к своим близким. Рискуя собственной жизнью.

<Тсворейн те 'а'йфьют будет изгнан из клана. Только твои слова могут изменить его судьбу.>, — мрачно сказал оло'эйктан, будь то На'ви или человек, покушение на жизнь собственного спасителя, было одно из самых страшных преступлений, которые можно совершить, даже если оно возникло из-за недопонимания. Действия всегда имели последствия.

<Тогда пусть будет так. Его жизнь и будущее будет решать Все-Мать. Действия имеют последствия> сказала она твердо, но в ее старческом голосе звучала грусть.

Это был смертный приговор, но правила предков нужно было соблюдать. Именно благодаря им они жили до сих пор.

Тем не менее, оба знали, что это вызовет беспокойство, но это должно быть сделано.

http://tl.rulate.ru/book/90465/2951628